

П. Б. МИХАЙЛОВ

**Богословие истории прот. Сергия Булгакова:
о вечном и временном
(к 150-летию русского богослова)**

Полтора столетия назад, в провинциальном городке Ливны, потерянном в средней России, в семье кладбищенского священника родился Сергей Николаевич Булгаков. Необычайная одаренность и открытость, глубокая впечатлительность в сочетании с подкупающей искренностью направляли его жизнь, вовлеченную в самые бурные события времени. — Свидетелем каких событий Господь его поставил! — две русские революции, трудные реформы поздней империи, истребительные мировые войны, страшный перелом русской истории 1917 года. Насыщенная внутренняя жизнь — раннее охлаждение к церковности и религии, увлечение марксизмом, яркая академическая карьера, вхождение в самое средоточие культуры Серебряного века, богатые и разнообразные впечатления от бесценного европейского наследия, обращение, а точнее, возвращение к Церкви в пору зрелости, наконец, священство, пастырство и учительство за пределами Родины, но с вечной думой о ней. Редкий интеллектуальный сплав экономиста, социолога, философа, богослова с выдающимися публицистическими способностями, необычайно широким охватом источников европейской культуры — от античности до современности, от философии до изобразительного искусства, от фундаментальной науки до вопросов государственного устройства, а также харизматичность общественного деятеля и церковного проповедника — все это в совокупности дало о. Сергию Булгакову возможность не только остро переживать и постигать суть происходящего, не только прямо вторгаться в самую гущу событий, но и предостерегать своих современников от заблуждений, твердо направлять их к правде и настойчиво свидетельствовать о свете в самые темные времена.

Мысль о. Сергия была сосредоточена на бедах своего времени, вообще на природе времени рода человеческого, на истории как

судьбе сотворенного мира, на судьбах страдающей Родины. Этой теме он посвятил немало времени и труда. При этом удивительно, что при оценке понимания истории у Булгакова мы сталкиваемся с резко противоположными мнениями среди его близких и дальних интерпретаторов. Откровенно полемического подхода придерживался младший современник, коллега по Сергиевскому богословскому институту и собрат по церковному служению, протоиерей Георгий Флоровский, известный как апологет христианского участия и действия в истории, сформулировавший свои мысли наиболее явно и последовательно в статье-манифесте «Затруднения историка-христианина»*. По свидетельству своего биографа, Эндрю Блейна, Флоровский высказывался об отце Сергии в таком духе: «Булгаков не чувствовал истории. Она была для него чем-то туманным и символическим. Он никогда не читал книг по истории и не писал на исторические темы. Придерживаясь диалектической философии, он не высказывал признаков понимания того, что и становление, и упадок, и возрождение философии целиком связаны с историей, что все это — исторический опыт, хотя своей собственной философией ярко выразил специфическое историческое время»**. Мнение столь же категоричное, сколь и спорное. Для Флоровского нечувствительность к истории иных мыслителей и богословов почти неизбежно приводит к различным богословским и вероучительным заблуждениям. Неслучайно он так критически относился к исторической роли Оригена; богословский корень его мысли он называл «ересь о времени»***, которая оказывается в глазах Флоровского поруганием истории. Идейное происхождение софиологии Булгакова Флоровский возводил к трем истокам — немецкому идеализму, средневековому мистицизму и раннехристианскому гностицизму. Во всех трех традициях история, как феноменальное, вытесняется духовным, мистическим и гностическим, как ноуменальным. Стало быть,

---

* Флоровский Г., прот. Затруднения историка-христианина // Флоровский Г., прот. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии. СПб.: РХГА, 2005. С. 671–707. В связи с его пониманием истории позволю себе упомянуть мою статью: Богословие истории протоиерея Георгия Флоровского // Георгий Васильевич Флоровский. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 156–179.

** Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия Флоровского // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 239.

*** Флоровский Г. В. Противоречия оригенизма // Флоровский Г., прот. Догмат и история. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998. С. 302.

«историческое нечувствие» Булгакова, по Флоровскому, обусловлено самой природой его учения о Софии, которое в такой интерпретации таит в себе неизбежное забвение истории.

Другого, противоположного подхода придерживается современная швейцарская исследовательница творчества Булгакова, основательница Центра изучения его наследия при университете во Фрейбурге, Регула Цвален. Этой теме в творчестве Булгакова она посвятила специальную публикацию с красноречивым названием «Оправдание истории». В ней она формулирует принципиально иную позицию сравнительно с Флоровским: «Мысль Сергея Булгакова в значительной степени проникнута историческим сознанием. Можно даже утверждать, что историческое сознание лежит в самой основе мышления Булгакова... <оно> обнаруживается в самом начале его знаменитого отхода от марксизма и может быть прослежено на протяжении всего развития его богословия... Мысль Булгакова, — заключает, наконец, исследовательница, — и в особенности его софиология, является оправданием человеческой истории»*. Здесь софиология, напротив, служит обоснованием истории и ее совершенным осуществлением, как реализацией божественного замысла о мире.

В формальном отношении мнение Флоровского о Булгакове справедливо. Отец Сергей в самом деле не был профессиональным историком. Среди его книг и многочисленных статей нельзя найти чистых примеров жанра исторического исследования. Однако содержание его мысли в значительной степени наполнено поисками ответов на вопросы об историческом существовании человечества, христианском смысле и значении истории. Его мысли глубоко присуще историческое сознание, как об этом справедливо пишет Регула Цвален. Его первые богословские опыты обращены к историческому изучению раннего христианства**, а с развитием и углублением богословских познаний его внутренний мир все более проникается эсхатологическим духом. Неслучайно, его последней книгой, вышедшей уже посмертно, оказалось развернутое богословское толкование книги Откровения***. Тем самым во многих отношениях разные интерпретации ставят перед нами задачу

* Цвален Р. М. Оправдание истории у Сергея Булгакова // Страницы: богословие, культура, образование. Т. 20. Вып. 2 (2016). С. 221–222.

** См.: Булгаков С. Н. О первохристианстве (О том, что было в нем и чего не было. — Опыт характеристики) // Булгаков С. Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. С. 220–280 (первая публикация 1909 г.).

*** Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна. Париж: YMCA-Press, 1948.

целостного понимания мысли отца Сергия Булгакова, плодотворно сочетающей в себе философскую фундированность, богословскую интуицию и историческую эрудицию. Насколько можно судить по самым последним и наиболее полным библиографическим обзорам изучения мысли о. Сергия Булгакова*, богословие истории пока еще не становилось предметом специального исследования**. Это вовсе не означает, что такой тип рефлексии не свойствен его мысли. Напротив, сознавая на себе полный груз ответственности за свою эпоху, за постижение воли Божией в истории, о. Сергий никак не мог отмахнуться от этих трудных размышлений. Более того, историческая перспектива составляет вместилище его мысли и сознания, а решению проблемы истории он посвятил свои труды от первого сборника философско-публицистических статей «От марксизма к идеализму» (1903) до последних уже сугубо богословских текстов, большей частью издававшихся уже посмертно.

Размышляя в общем о религиозном значении истории, а ино-го предельного значения за человеческим существованием он не признавал, Булгаков выделяет три главных пути богопознания, впрочем, лишь намечая и не предлагая детальной разработки. В «Свете Невечернем» он пишет: «Можно различить три типа религиозного познания: богопознание *more geometrico*, или *analytico*; *more naturali*, или *mystico*; и *more historico*, или *empirico*, — отвлеченное мышление, мистическое самоуглубление и религиозное откровение, причем первые два пути получают надлежащее значение только в связи с третьим, но становятся ложны, как только утверждаются в своей обособленности»***. Как видно, в теоретических установках Булгакова историческому типу религиозного познания уделяется особая роль, связанная с эмпирическим фактором в богословии. Причем, мистический путь познания мира через природу различается с эмпирическим

---

* См.: *Sergij Bulgakov. Bibliographie. Werke, Briefwechsel und Übersetzungen. Mit ausgewählter Sekundärliteratur und einem tabellarischen Lebenslauf. Erstellt von Regula M. Zwahlen und Ksenija Babkova. Werke, Band 3 / Herausgegeben von Barbara Hallensleben und Regula Zwahlen. Münster: Aschendorff-Verlag 2017; Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А. П. Козырева. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 578–619.*

** Единственное исключение составляет статья Антуана Нивьера, посвященная философии истории Булгакова, — см.: *Nivière A. La philosophie de l'histoire chez Serge Boulgakov // Contacts. Revue française de l'Orthodoxie. 2000. № 191. P. 211–231.*

*** *Булгаков С. Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. Свет Невечерний. СПб., М., 1999. С. 144.*

по линии естественное, или природное в первом случае и историческое, или опытно-индивидуальное — во втором. Странно, однако дальнейшего развития эта тройная типология в «Свете Невечернем» — по согласному признанию знатоков творчества о. Сергия наиболее философичная и, тем самым, наиболее теоретическая, — не получает. Кажется, это яркое различие возникает *из ничего* и точно также неожиданно прерывается на полуслове. Тем не менее эта разработка важна для общего понимания проблемы истории у о. Сергия и особенно важен ее источник, о котором сам он, впрочем, умалчивает*. А за этим пассажем стоит один малоизвестный текст — статья «Понятие о Боге» Владимира Соловьева, сохранявшего исключительное влияние на о. Сергия вплоть до эмигрантского периода жизни последнего.

В этой статье, опубликованной в 1897 году в 38 выпуске «Вопросов философии и психологии», совсем незадолго до своей скоропостижной смерти, Соловьев встает на защиту философской теологии Спинозы от критики профессора Санкт-Петербургского императорского университета А. И. Введенского, выступившего со статьей «Об атеизме в философии Спинозы». Соловьев исходит из диалектики метафизических представлений о Боге и формулирует три предикации универсального представления о Боге — абсолютная субстанция, бытие и сущность мира, становление и история: «Бог не может быть только богом геометрии и физики, Ему необходимо быть также богом истории... Признавая в божестве абсолютную полноту жизни, мы связываем с ним или вводим с ним в некоторое соотношение мировой и исторический процесс, находим в божестве окончательные основания как для собирательной истории человечества, так и для личной истории каждой человеческой души. Мы утверждаем реальное присутствие божества во всех событиях мировой и частной жизни... Бог есть бог истории не по Божеству Своему, а по человечеству»**. Такому пониманию истории о. Сергей останется верен на протяжении всей своей жизни, впрочем, некоторый привкус пантеизма или панентеизма, как любили выражаться в то время, у Соловьева присутствует. Булгаков сумеет его обезвредить и перенаправить. Аргументацию Соловьева он будет уточнять в самых разных своих

---

* Эту карту о. Сергей приоткрывает в своем более раннем тексте — см.: Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). СПб., 1903. С. 141. Примеч. 1.

** Соловьев Вл. Понятие о Боге // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. 9. СПб., 1914. С. 24–26.

сочинениях и публичных выступлениях от начала века до самой смерти. Кое-что очень важное ему предстоит добавить и развить, однако корневая убежденность в богочеловеческой природе и динамике исторического процесса восходит у Булгакова именно к Соловьеву.

Двуплановость истории, ее богочеловеческий характер, соотношение имманентного и трансцендентного, сохраняются в мысли отца Сергия на протяжении всей его жизни. Та или иная конфигурация этих генеральных планов и создает все то разнообразие в прочтении природы и смысла истории, которое так характерно для европейской мысли. На этом фоне о. Сергий Булгаков и проясняет свое богословское видение истории. Оно строится динамически на протяжении продолжительного времени жизни и получает отражение в его главных трудах. Начинаются эти размышления с пронизательной критики различных историко-философских концепций, едкого разоблачения социального и теологического утопизма, а продолжают в положительном оформлении христианской философии истории. В первом случае речь идет о различных опытах поглощения вечного во временном; во второй — о присутствии вечного во времени и о воздаянии должного временному в вечности. Причем, к последнему о. Сергий добавляет совершенно новаторскую идею о человеческом творчестве во всем его разнообразии, имеющем потенциал сохранения в вечности.

А(нти-) теистический прогрессизм

Начало исторической рефлексии у Булгакова было положено в ходе его размежевания и удаления от марксизма, произошедшего на рубеже столетий*. Общая схема, в которой Булгаков рассматривает исторический процесс, довольно проста. Типология мировых сил, движущих историю, сводится у него к двум устремлениям, имеющим выраженную религиозную окраску: теизм (в предельном развитии — Богочеловечество) и пантеизм (космотеизм, в конечном счете, религия человекобожия). Атеизм Булгаков исключает из рассмотрения как фикцию, поскольку, по его мнению, в чистом виде отрицания Бога не существует, ибо оно противоречит фундаментальной характеристике человека как существа религиозного

---

* Решающим значением для понимания этого этапа в биографии о. Сергия обладает сборник ранних статей «От марксизма к идеализму», центральное место в котором отводится статье «Основные проблемы теории прогресса» (см.: *Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903)*. СПб., 1903. С. 113–160).

(*homo religiosus*). Как представляется, удачно уточняет терминологию Булгакова его католический коллега Анри де Любак в книге «Драма атеистического гуманизма», когда предлагает для определения феномена безбожия более точное определение — антитеизм, или богоборчество*. И так, по Булгакову «...история есть арена деятельности духовных сил, борьба духовных потенциалов... То, что в истории есть подлинно творческого, принадлежит, конечно, человеческому духу в его живом и потому конкретном самоопределении, природа же духа есть свобода. История в этом смысле есть свободное деяние, труд, подвиг человечества**». Однако внимание Булгакова приковано не к самой истории, и в этом смысле некоторая частичная правота сохраняется за той установочной фразой о. Георгия Флоровского о нечувствии истории у Булгакова, приведенной выше, а к ее религиозному значению, к вечной тяжбе о Боге между двумя главными движениями человеческого духа — к Богу или против Бога. Их-то он и различает по линии: теизм и пантеизм, христианство и человекобожие. Существо этого противоборства Булгаков определяет как трагедию бытия, которая может быть изжита либо в личном духовном подвиге, либо — уже как ее космическое преодоление — трансцендентное преодоление, или преобразование природной жизни на новой земле и под новым небом, в эсхатологической перспективе. Как уверяет Булгаков, ее невозможно до конца преодолеть исключительно на человеческих началах. Лишь теистическое преодоление трагизма победно, лишь оно одно в полном смысле эсхатологично. Альтернативное ему, человекобожеское преодоление, как его именует Булгаков, никогда не окончательно, оно рядится в различные формы эсхатологического хилиазма, включает в себя идею созидания земного царства, строительства и обещанного процветания земного града, но дни его по определению сочтены.

Тем самым Булгаков при обсуждении проблемы истории ставит вопрос о ее пределах. Логический парадокс в том, что «история не может внутренне закончиться в истории»***. В связи с этим он говорит о «неабсолютном, неокончателном, условном характере истории вообще... в истории всё относительно»****. Поэтому история должна быть выведена за свои собственные пределы.

---

* Любак А. де. Драма атеистического гуманизма. Милан; М., 1997. С. 4.

** Булгаков С. Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. С. 6.

*** Булгаков С. Н. Два Града. С. 10.

**** Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм // Булгаков С. Н. Два Града. С. 342–343.

Противоборство упомянутых выше сил и устремлений и составляет ткань истории, однако ее собственное свершение в торжестве Божественного начала в известном смысле неизбежно. Поэтому замеряется и оценивается история по ее свершению и решающим значением для понимания всякой концепции истории является ее телеология. Вот как об этом размышляет сам Булгаков: «Возможна двоякая ориентировка в истории. В одном случае история рассматривается как процесс, ведущий к достижению некоторой определенной, однако истории еще имманентной и ее силами достигаемой цели, — условно назовем это рассмотрение *хилиастическим* (хилиазм — тысячелетнее царство с торжеством добра на земле и в истории). Хилиастична в этом смысле всякая теория прогресса, как религиозная, так и нерелигиозная: можно говорить не только об иудейском и христианском хилиазме, но и философском... культурном, социалистическом... Я сравнил хилиазм с историческим горизонтом»*, — завершает Булгаков, разумея под этим последним утверждением тот факт, что любая хилиастическая концепция не выходит за пределы истории, т. е. за свои собственные границы, но вовлекает в свое пространство предельную истории и временности перспективу, иными словами, вечность, которая всегда брезжит на ее окраинах, но в хилиазме остается недостижимой.

Другой тип «ориентировки в истории» — это эсхатология, а именно «*учение о последних вещах*, лежащих за пределами не только истории, но и самого этого мира с его дискурсивностью, пространством и временем»**. Только из этой точки история может быть понята вполне и окончательно, однако в таком качестве она уже остается за пределами интеллектуального познания, но может быть постигнута лишь посредством веры. За это отвечает полноценная религиозная теистическая эсхатология: «... эсхатология есть жизненный нерв религиозных учений... Если в хилиазме человечество видит впереди себя историческую цель, то в эсхатологии оно усматривает над собою и за пределами этого мира с его историей сверхприродную цель»***. «Мировой, а в нем и исторический процесс и в эсхатологии рассматривается как процесс телеологический, ведущий к разрешению мировой трагедии и тем устанавливающий ее цель и смысл, но для человека цель эта остается совершенно трансцендентна и в этом смысле от него

---

* Апокалиптика и социализм. С. 342.

** Там же. С. 345.

*** Там же.

независима»*. Эти две *ориентировки* не совпадают друг с другом и не соотносятся: «...пути человечески предначертываемой истории и пути руководимой Высшею Силою эсхатологии не тождественны. Другими словами, хилиазм и эсхатология не адекватны и не соизмеримы, принадлежат к разным религиозно-метафизическим плоскостям»**. Между ними присутствует неизбывный и «принципиальный дуализм»***. Но и религиозный хилиазм имеет внутри себя некую тонкую дифференциацию. О. Сергий различает здесь два типа — чувственно-исторический, или иудейский, и спиритуалистический, или эллинистический****. Однако это уже вопрос истолкования однородного подхода.

Хилиастическая «человекобожеская» эсхатология, или, точнее, псевдо-эсхатология, получает свое наиболее последовательное выражение в различных хилиастических доктринах и программах. С широким историческим охватом Булгаков перечисляет примеры подобного строительства земного града, хилиазма: от государства Платона до иудейского хилиазма. Находит он его даже в западной христианской традиции — отчасти в августинизме и папизме. Впрочем, оставим детальное рассмотрение его критики латинства без обсуждения. К этому же типу Булгаков относит и современную ему наиболее последовательную реализацию атеистического хилиазма в виде социализма рубежа столетий, возводя его генеалогию к иудейскому мессианизму: «Социализм это — рационалистическое учение, переведенное с языка космологии и теологии на язык политической экономии, переложение иудейского хилиазма»****. Подобное же с некоторыми особенностями он отмечает при анализе идеологии национал-социализма, предпринятом незадолго до своей смерти в годы немецкой оккупации Парижа: «Расизм, как национал-социализм, в котором одновременно и с одинаковой силой подчеркиваются оба мотива: и социализм... и национализм, представляет собою не что иное, как пародию и вместе повторение или, по крайней мере, вариант на темы иудейского мессианства»^{6*}, как бы оскорбительно это не звучало для идеологов нацизма.

---

* Апокалиптика и социализм. С. 346.

** Там же. С. 348.

*** Там же. С. 371.

**** См.: Там же. С. 373–377.

***** Апокалиптика и социализм. С. 379, 380; *Зандер Л. А.* Бог и мир (Мирозерцание отца Сергия Булгакова). Париж: YMCA-PRESS, 1948. Т. I. С. 419.

^{6*} «О расизме» — цит. по рукописи в кн.: *Зандер Л. А.* Бог и мир. С. 419.

В связи с этим социализм Булгаков формульно определяет следующим образом: «Социализм есть апокалипсис натуралистической религии человекобожия»*. Однако религиозный состав или форма, которую Булгаков находит в социализме, носит неполноценный характер, уже не говоря о его выраженном богопротивном антитеистическом характере. В этом смысле социализм в его самых разных вариациях представляет собой эрзац религии. И все присущие религии признаки также несут на себе эту печать подделки под религию. Потому социалистический хилиазм, который опознает Булгаков в эрзац-эсхатологии социализма, оборачивается обманом религиозных ожиданий. Он поглощает в себе трансцендентное начало, лишая его подобающих ему божественных признаков и лишь имитируя их наличие. При этом все присущие религиозному сознанию элементы, тем не менее, выполняют в нем решающую роль.

Социализм складывает свой программный канон на основании общей теории прогресса, за которой о. Сергей удерживает высокие оценки и важное предназначение в жизни человеческого социума. Ее принципиальная задача заключается в том, чтобы придать истории смысл, тем самым вернуть ей ценность. Более того, Булгаков видит в ее высшем смысле опять-таки религиозное и, тем самым, богословское содержание. Она есть не что иное, как форма теодицеи. Булгаков пишет об этом следующее: «Первая и основная задача, которую ставит себе теория прогресса, состоит в том, чтобы показать, что история имеет смысл, и исторический процесс есть не только эволюция, но и прогресс. Она доказывается, следовательно, конечное тождество причинной закономерности и разумной целесообразности, является в этом смысле... теодицеей»**. Булгаков постоянно усматривает за социальными теориями религиозные смыслы и, тем самым, частичные оправдания. Так и с теорией прогресса — «...теория прогресса является для механического миропонимания теодицеей, без которой не может, очевидно, человек обойтись»***. Марксизм в свою очередь «представляет <собой> очень типичный и наиболее яркий пример научной теодицеи»****. Опираясь на известную научную классификацию типов знания, разработанную неокантианцами, а именно, науки о природе и науки о духе, Булгаков относит и историю, и даже со-

---

* Апокалиптика и социализм. С. 380.

** Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). СПб., 1903. С. 141.

*** Там же. С. 121.

**** Там же. С. 123.

циологию ко второму типу. Как известно, первые (в терминологии Риккерта — науки номотетические) выявляют закономерности используя процедуру *объяснения* и потому могут предлагать более или менее точные прогнозы будущих процессов, тогда как вторые (по Риккерту — науки идиографические) лишь отражают наблюдения прибегая к процедуре *понимания* и потому никак не могут претендовать на какие-либо предсказания. С связи с этим о. Сергий выносит приговор всякому историческому суждению: «... все, что имеет сказать здесь честная позитивная наука, это одно: *ignotamus* и *ignotabimus*. Разгадать сокровенный смысл истории и ее конечную цель, оставаясь собой, она не может»*. Для этого ей необходимо переступить через саму себя.

Таким образом, Булгаков, полемизируя с секулярными теориями прогресса и сопряженными с ними псевдо-религиозными концепциями истории, закономерно обращается к философии истории, которую предпочитает именовать «метафизикой истории»**. Финальное заключение статьи «Основные проблемы теории прогресса» делает неизбежным переход мысли Булгакова на пути богословия истории: «...основные проблемы теории прогресса суть вместе с тем и проблемы философии христианского теизма и разрешимы лишь на почве этой философии, а учение о прогрессе в действительности есть специфически христианская доктрина»***. Однако на этапе написания этой статьи, в 1902 году, Булгаков еще не решается на этот шаг, останавливаясь пока на метафизике, или философии истории. При этом, в дополнении к переизданию 1903 года он пишет: «Мировой и исторический процесс можно мыслить, как такой планомерный процесс, в первоначальный идеал которого включена человеческая свобода, как его основное и необходимое условие. Он представляется ... взаимодействием человеческой свободы, свободных усилий исторического человечества и творческого или божественного начала, процессом *богочеловеческим*»****, т. е. здесь Булгаков уже совершенно уверенно видит христологическую перспективу решения вопроса истории, как ее предугадывал еще Соловьев. Его заключительный вывод звучит так: «Метафизика истории является раскрытием абсолютного в относительном»*****. Однако особенность атеистических, анти-теистических или секулярных метафизических обоснований

---

* Основные проблемы теории прогресса. С. 127–128.

** Там же. С. 142.

*** Там же. С. 147–148.

**** Там же. С. 158.

***** Там же. С. 142.

истории заключается в поглощении бесконечного конечным, вечного временным, абсолютного относительным, при том, что онтологический статус бесконечного и вечного с самого начала ставится под вопрос. Искомая Булгаковым формула должна учесть не только присутствие абсолютного в относительном, но и положение относительного в абсолютном. Однако прежде он посвятил внимание еще одному опыту построения философии или богословия истории с устранением главного действующего в ней лица или, точнее, освобождением от него, которое наблюдается в протестантской либеральной теологии.

Теистический историзм

Как было показано, человекобожие, по отцу Сергию, может быть а-теистическим, или, точнее, пантеистическим и космо-теистическим, лучше всего, анти-теистическим, как различные социалистические программы разных оттенков и, в частности, марксизм — по мнению отца Сергия, наиболее яркая и последовательная ее реализация. Но наряду с этим возможно человекобожие и теистическое. Примером тому служит современная о. Сергию Булгакову богословская традиция протестантской либеральной теологии.

Родовой признак, который Булгаков обнаруживает в либеральной теологии, заключается в абсолютизации относительного. История, реальность заведомо подвижная и текучая, тем не менее принимается за нечто безусловное и самодостаточное. Булгаков именуется такой подход *историзмом* и посвящает его богословским применениям цикл статей 1911–1915 «Из этюдов о религии человекобожия»*. Основным ресурсом этого теологического дискурса он определяет историю, почему и называет это направление «либеральной исторической теологией»**. Принимая во внимание выдающиеся достижения в исторических исследованиях, осуществленные преимущественно протестантской наукой, и отдавая должное ее труженикам, Булгаков высказывает и весьма критические суждения о богословских качествах этой научной школы, называя ее «современным арианством» и возводя в конечном счете к ричлианской догматике, «отли-

---

* Современное арианство (Из этюдов о религии человекобожия) // Булгаков С. Тихие думы. Из статей 1911–1915 гг. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918 по изданию: Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 102–140.

** Там же. С. 107.

чительной чертой которой является отрицание веры во Христа как Богочеловека, заменяемой почитанием равви Иисуса, образ которого каждый выкраивает себе на свой лад религиозно-историческим методом и критикой текста Евангелий»*. В самой сердцевине этой богословской традиции происходит расщепление абсолютного и относительного, вечного и временного, божественного и человеческого. Излюбленный способ описания этого предмета у Булгакова состоит в христологической аналогии. Историческая наука, получившая в протестантском университете свое законченное выражение, стала религией профессоров теологии, как это ярко вывел еще Вл. Соловьев в образе профессора Паули в «Трёх разговорах». Торжествующий историзм, возведенный в статус последней истины, обратился в конечном счете против основателя христианства. Этот раскол религиозного сознания и научной объективности, характерный для либеральной теологии, Булгаков оценивает строго и непримиримо. Он пишет: «В основе этого культа лежит, с одной стороны, отрицание божественности Христа и всего учения о боговоплощении, а с другой — превознесение исторической личности Иисуса и признание его *единственным*, абсолютным явлением истории...»**. Последствия реализации либеральной программы разрушительны для религиозного сознания — «радикальный последовательный историзм, — пишет Булгаков, — неизбежно приводит к релятивизму и крайнему скептицизму. Религиозно-исторический метод способен был бы воспитывать лишь религиозную беспринципность, и универсальный скептицизм служит орудием против религии вообще...»***. Парадоксальное следствие, к которому приводит либеральная теология, в том, что она предлагает программу религии, освобожденной от самой своей сути, сущности христианства (*das Wesen des Christentums*), место Бога подменяется субъектом веры. Это и есть один из вариантов того, что Булгаков называл религией человекобожия, на этот раз в теистическом варианте.

Родовым пороком этой традиции Булгаков называет «новый лженаучный догматизм»****, которым компенсируется религиозная капитуляция либеральной теологии. Булгаков называет это течение в протестантизме «совсем новой религией — иезуанизмом (*Jesuanismus*), основанным на почитании

---

* Там же.

** Современное арианство. С. 137.

*** Там же. С. 105–106.

**** Там же. С. 107.

пророка Иисуса и открывшейся в нем религиозной жизни»*. Это течение в начале столетия в немецком протестантизме существует наряду с христианством в его старолютеранской форме. Одним из выдающихся вождей движения выступает Эрнст Трёльч, для которого «символ Христа (Христос веры. — П. М.) должен иметь прочное и крепкое внутреннее основание в факте Иисуса (Иисус истории. — П. М.)»**. Булгаков задает этой школе несколько резких вопросов, отвечая на них не менее категорично: «Не ясно ли, однако, что этот религиозный утилитаризм, почитание Иисуса во имя социологической целесообразности, не имеет никакой религиозной убедительности и есть лишь выражение полного разложения иезуанизма? Это и есть религиозный цинизм, для одних ненужный, для других оскорбительный»***. Однако за этой традицией, выдающейся по своему интеллектуальному уровню, несмотря на всю ее религиозную беспомощность, имеются огромные заслуги в изучении исторического христианства и значительного уточнения наших знаний, в особенности, раннего христианства. Ее очевидно слабое место находится в области интерпретации или априорных догматических установок, которые определяют научное исследование и предваряют его результаты. Булгаков убежден в искусственности разведения веры и знания, религии и науки. Однако в тактическом отношении ценна сама постановка вопроса о значении истории в религии. Сам же Булгаков на поставленный вопрос отвечает следующим образом: «Христианство зародилось без исторических свидетелей или летописцев, в ту зимнюю ночь, когда хоры ангелов пели славу Богу... В историю вошла новая сила, и лишь ее развитие, а не зарождение дано исследовать науке»****. Урок, который можно извлечь из достижений либеральной теологии, заключается в уточнении самого исторического метода в богословии, его границ и компетенций — «...наука вообще, и особенно историческая, существует лишь в человеке и для человека, существенно антропологична и в этом смысле нечиста»*****. Историческое исследование с необходимостью должно быть согласовано с обобщающими типами познания, такими как философия и богословие — «...историческое развитие мыслимо только как процесс теологический и все

---

* Там же. С. 109.

** Цит. по: Там же. С. 111.

*** Современное арианство. С. 111.

**** Там же. С. 121.

***** Там же. С. 129.

исторические понятия носят резко выраженный теологический характер»*.

Булгаков прямо приравнивал либеральную теологию как явление европейского духа к древним ересям, иногда совмещая в одном понятии несколько характеристик. Это «новое арианство» в «Свете Невечернем» именуется «арианским монофизитством — своеобразным преломлением христианства через призму германского духа»**. Для нашего случая важно, что в данном отношении Булгаков смешивает противоположные понятия. Арианство по самому содержанию своего учения является доктриной антропологической, связанной с временным, с историей, тогда как монофизитство — учение с явным акцентом на Божественном начале в христологии. Здесь временное поглощается вечным, история стирается событием Боговоплощения, но, кажется, Булгаков не это хотел сказать, прибегнув к столь странному словосочетанию.

Следует также отметить, что в связи с обсуждением вопроса историзма и его противоположности Булгаков видит опасность и для православного сознания, имеющего наклонность, как он считал, к скрытому монофизитству, как следствию недооценки исторического плана Боговоплощения, да и христианства как такового: «мироотрицание, — пишет Булгаков, — с которым связано нечувствие истории (опять-таки вспомним тезис Флоровского. — П. М.), к сожалению, вообще легко вкрадывается в православное сознание, образуя в нем тоже свой уклон к монофизитству (*трансцендентизму*) или приближая его к дуализму манихейства (богумильство) ...»***. В связи с этим Булгакову удается сформулировать основную задачу для целостного богословского подхода, сочетающего в единой программе различные частные методы и специализации: «Соединить же правду того и другого, найти не *синтез*, но жизненное единство, в живом опыте познать Бога в мире, а мир в Боге — это предельная задача религиозного сознания, поставленная его историей»****. Этой формуле отец Сергей следовал уже на дальнейших этапах своего творчества.

---

* Там же. С. 127.

** Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 5.

*** Булгаков С. Н. Свет Невечерний. С. 6.

**** Там же.

Теистическая эсхатология

Тема православной эсхатологии, как ответ на вопросы атеистического прогрессизма и теистического историзма, занимает в творчестве о. Сергия много места, в особенности, в последний богословский период, хотя и на ранних этапах он неизбежно обращался к ней, что свидетельствует о цельности его мысли, ранней зрелости и последовательном развитии важнейших идей на протяжении длительного времени. О. Сергий Булгаков строит иную конфигурацию отношений вечного и временного, коллизия которых разрешается в таинстве Церкви: «...наша теперешняя поскоторонняя история... имеет свое увековечиваемое значение — не в эмпирической оболочке, а во внутреннем содержании. Это вечное во временном принадлежит Церкви, откуда следует, что Церковь действует в истории как творящая сила. Церковь есть не только Ноев ковчег, спасающий в нем пребывающих от потопа растления, но она есть и закваска, заквашивающая все тесто. Человеческая история есть, прежде всего, история Церкви не только внешняя, в смысле ее судеб в мире как установления, но и внутренняя, как сила духовная, совершающая Богочеловечество»*. Природа Церкви изоморфна христологической доктрине и отвечает природе истории. О. Сергий разрешает этот вопрос в двух направлениях — в жизни общины и в индивидуальном религиозном опыте церковности. Он берется за толкование слов Спасителя своим ученикам: *Царство Божие внутри вас есть* / ἰδοὺ γὰρ ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ ἐντὸς ὑμῶν ἐστίν (Лк 17. 21): «как религиозного блага общения с Богом в Церкви, как непосредственного переживания вечности в волнах современности, свободы... Царство Божие есть лично-религиозное, мистическое прикосновение души к религиозной реальности — Церкви и в ней к Христу»**.

Как было показано выше, для построения целостной философии истории необходима проработка ее телеологии. Поэтому мысль Булгакова неуклонно возвращается к Апокалипсису и ищет в нем неуловимые смыслы конечной тайны о мире. Особенно важно понять, что эта тайна не отложена до времени, но ожидает своего постижения в каждое мгновение жизни. «Предмет Апокалипсиса, — пишет Булгаков, — есть *метаистория*, т. е. нуменальная сторона того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история. Это —

* Булгаков С., прот. Невеста Агнца. М.: Общедоступный Православный университет, основанный прот. А. Менем, 2005. С. 358–359.

** Апокалиптика и социализм. С. 361.

историческая онтология, в которой раскрывается внутренний механизм мирового и исторического процесса. Апокалипсис есть откровение не столько о будущем, сколько о подлинно существующем во вневременных глубинах бытия и соответственно созреванию раскрывающемся в истории»*. Вечность сквозит через толщу и плотность тварного исторического времени. Проницательному зрению дано постичь ее проявления — «...цепь апокалиптических событий, — продолжает о. Сергей, — выходит в некоторых своих частях и на поверхность истории, и тогда последняя непосредственно превращается в Апокалипсис... в таком случае опять возвращается потребность искать себя и свою эпоху в символах Апокалипсиса, вновь смотреться в это мистическое зеркало, в котором видят себя все исторические эпохи. Однако главная сила и ценность и этих попыток принадлежит... освещению на их основе личного религиозного опыта и вдохновения, личного апокалипсиса толкователя»**.

Историческое начало получает у Булгакова всемерное оправдание (вспомним тезис Р. Цвален vs тезис прот. Георгия Флоровского). Но это оправдание двояко. С одной стороны, когда Господь выступает во времени, Он вступает в историю: «Христианство само есть религия историческая, Боговоплощение произошло во времени, и для всего существует полнота времен, *времена и сроки*... Все имманентное имеет связи с трансцендентным, есть его символ»***. Слово стало плотью и мир принял новое измерение. Встреча абсолютного и относительного произошла в истории, хотя саму эту историческую точку определить средствами научного исследования практически невозможно, о чем уже было сказано. Главное преодоление временного в вечности осуществлено пришествием Спасителя. Однако оно должно иметь продолжение. И это уже зависит от человека. Здесь и кроется средоточие истины, предназначенной для богословского постижения, *крест богословия / crux theologiae*, как любил говорить о. Сергей. «Бог осуществляет Свои цели — пишет он — уже не помимо творения, но с ним самим, щадя его тварную свободу и признавая его тварную самобытность. Бог-Промыслитель есть Бог истории, живущий вместе с миром. Эта совместная жизнь Бога с миром предельную ясность получает в событиях Боговоплощения: Рождества Христова, Его смерти и Вос-

---

* Там же. С. 368.

** Там же. С. 370.

*** *Булгаков С.* Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. Свет Невечерний. СПб.; М., 1999. С. 13.

кресения, Вознесения и одесную Бога седения, Второго и Славного Его Пришествия»*.

Однако на этом мысль о. Сергия не останавливается. Есть еще один аспект, когда сама человеческая жизнь, погруженная во временном, можно сказать, растворенная в нем без остатка, приобщается вечности и становится ее частью — тогда временное вступает в вечность, а сам человек вовлекается в это движение. Теперь уже, как уверяет о. Сергий, — «одинаково как индивидуальная жизнь имеет абсолютное значение, так и история, эта биография всего человечества»**. Наверное, именно в этом и заключается особенность мысли отца Сергия — преодоление времени, преобразование тварного, оправдание истории мыслится им не односторонне, как исключительно божественное действие и вовлечение мира в литургический круг евангельских событий. Его внимание даже больше сосредоточено на встречном движении человека, на ценности его вклада; и о. Сергий находит самую точную область этого ответа — это творческий дар, которым обладает человек. Эта мысль появилась у Булгакова достаточно рано. Возможно, широкие культурные интересы, в частности, проницательная восприимчивость к изобразительному искусству, ему её подсказали. В одной из своих ранних статей — «Средневековый идеал и новейшая культура» (1907), посвященной выходу на русском языке одного большого исследования средневековой культуры, — Булгаков пишет об истории и ее завершении следующее: «Зрелым плодом истории можно признать только свободное торжество божественного начала в свободном человеческом творчестве, как это вытекает из богочеловеческого характера исторического процесса. Религиозная общественность, религиозная культура, внутреннее единство проявленной множественности — вот тот плод, который зреет в истории, хотя, может быть, окончательное его созревание лежит уже вне ее пределов, под *новым небом* и на *новой земле*. Для христианского мировоззрения иной философии истории быть не может»***. Произведения христианского искусства — это зримые и красноречивые свидетельства торжества Богочеловечества. К ним Булгаков был особенно чуток и всегда умел проницательно

---

* Иуда Искариот — апостол-предатель // Прот. Сергий Булгаков. Путь Парижского богословия. М.: Изд-во храма святой мученицы Татианы, 2007. С. 342.

** Свет Невечерний. 1999. С. 13.

*** Средневековый идеал и новейшая культура // Булгаков С. Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. С. 172.

отличить творчество богочеловеческое от творчества богоборческого, отдавая при этом должное художественной одаренности как таковой, но спрашивая с неё со всей строгостью.

Сколь бы дерзко это не звучало, но по о. Сергию, Боговоплощение не было бы полным, если навстречу не откликнулся бы и род человеческий, разумеется, *род избранный, новый Израиль*. «Бог Сам не становится в мире, но мир становится в Боге, — происходит генезис относительного в абсолютном...»*. При этом остается только удивляться, насколько устойчива терминология Булгакова, что несомненно свидетельствует и о прочной структуре его мысли, которая с годами только укреплялась, а детали оттачивались. Булгаков ищет правду не только в истории, направляемой Творцом, но и в самом мире. Она незыблема и неотменима. «Мир, — пишет он об этом с большой силой, — положенный Богом в небытии, возникший из ничего, имеет реальность несокрушимую и непреодолимую даже для Самого Бога... Потому каждый человек и все творение реальны реальностью Божией и в этом смысле равнореальны Богу... Отсюда и возникает мировой и исторический процесс — становления мира самим собой»**, *врастания* мира в Царство Божие, добавим мы от себя. У редких авторов мы встретим подобную смелость возвеличения мира, но в этом-то и заключается почти непосильная задача и призвание, обращенные к роду человеческому. И отец Сергей безошибочно опознает главное средство их исполнения — это творчество на путях истины.

Замечательно, что в таком своем визионерском труде, как «Невеста Агнца», посвященном природе Церкви, прот. Сергей пишет об этом возвращении дара Божия миру человеком Богу как совместном деле Бога и человека, как сотворчестве — продолжении творческого дела Творца силами человека под воздействием Духа. Это понимание находит свое преломление в идее творчества как такового. Вот он пишет: «Процесс истории имеет двоякий характер: органический и творческий»***, уточняя тем самым известную неокантианскую дихотомию наук о природе и наук о духе. Формами творчества Булгаков называет цивилизацию и культуру****. И в этом заключен содержательный вопрос философии истории, «а именно, о гуманизме и его разных образах»***** — какой идеал творчества он предлагает? Это — христианский гуманизм, говорит

---

* Иуда Искариот — апостол-предатель. С. 343.

** Там же. С. 343.

*** Невеста Агнца. С. 343.

**** См.: Невеста Агнца. С. 348.

***** Там же. С. 348.

о. Сергий и тотчас задается вопросом: «Что значит и может ли быть христианский гуманизм?»*. И в чем он заключается? Ответ все тот же — это богочеловеческое действие, творчество и чудотворство, и православная христология предоставляет для того самые лучшие образцы: «История все-таки рассматривается... как общее дело человечества. Но, конечно, это творческое дело не только не исключает участия в нем силы Божественной, но его предполагает. История есть богочеловеческое дело, поскольку сила Божественная сочетается с человеческой свободой, как это раскрывается в дифелитском догмате. Как общее дело, история есть синэргизм»**. Здесь же кроется и конечное предназначение человека, как его раскрывает о. Сергий: «В историческом творчестве осуществляется богоподобие человека, который в Божием мире творит собственный исторический мир... Это и есть последний смысл и содержание того, что мы определяем как христианский гуманизм, и его спасение от самопогружения в тварность, в богорчество гуманизма безбожного или языческого»***.

И, наконец: «...История мира и созревание ее для своего конца не определяется только его органическим развитием. В ней участвует человеческая свобода и творчество. Очеловечение мира и самого человека, выявление полноты сил, заложенных в его человечности, есть творческий акт человека над самим собой и над миром. Человек не есть вещь или только объект творения, напротив, — он есть и его субъект»****. Здесь богословие истории Булгакова достигает своей завершенности. История в конце концов есть история духа человеческого в его подвиге преодоления отпадения от Бога. Сознательная и совместная работа на эту победу и составляет сущность истории, получающей тем самым свое частичное свершение уже в этом мире. В конечном счете мы не ошибемся, если скажем, что по Булгакову, история есть продолжение творения мира, протяжение дела Творца из времени в вечность.

* * *

Богословие истории прот. Сергия Булгакова вырастает из критики социалистического утопизма, притягательность которого он испытал на собственном опыте. Уже на самых ранних этапах созревания его мысли хорошо видно, что некий целостный эскиз

---

* Там же. С. 350.

** Там же. С. 368.

*** Там же. С. 373.

**** Там же. С. 344.

у него был с самого начала. Параметры и, главное, религиозную природу истории Булгаков видел с большой проницательностью. Нечто важное ему подсказал Владимир Соловьев, возможно что-то так и не досказав. Булгакову оставалось самому довести намеченные линии. И вот, богословие истории достигло у него своей зрелости и предстало в гармоничной завершенности и ясности структуры. Диалектика абсолютного и относительного задает ей формальную и содержательную задачу. История европейского духа предоставляет богатый материал для создания типологии различных решений этой задачи — отрицание абсолютного во имя относительного (например, марксизм), поглощение абсолютного (иезуанизм либеральной теологии) в относительном, утверждение абсолютного в относительном (литургическая экклезиология) и, наконец, становление относительного в абсолютном (христология культуры). Мысль о. Сергия Булгакова прочертила здесь свою траекторию — переход от атеистического прогрессизма к идеализму в начале — «метафизика истории является раскрытием абсолютного в относительном»* — оправдание истории; — и христология культуры в конце — «генезис относительного в абсолютном»**. Последний предельный смысл истории в вечности можно назвать теперь уже не просто её оправданием, но и её прославлением.

---

* Основные проблемы теории прогресса. С. 142.

** Иуда Искарот — апостол-предатель. С. 343.